

— Точно вам говорю, Александра Юрьевна, мужик этот — криминальный элемент, совершенно определенно, и к участковому не ходи, и так все ясно, — уверяла с энтузиазмом женщина, заговорщицкой интонацией и нажимом на каждом слове придавая весомости своим утверждениям.

— Да с чего ты взяла, господи! — негодовала собеседница.

— А я объясню, — настаивала тетка на своих умозаключениях, принимаясь приводить аргументы: — Вот смотрите: Аристарх наш рассказывал, что участок тот давно купили, и несколько лет ничего на нем не строилось. Приезжали изредка какие-то мужики непонятные, подозрительные, целой гурьбой на несколько дней, а то и на недельку-другую, жили в палатках, рыбачили, отдыхали да только ни с кем в поселке не общались, не разговаривали и в коммуникацию не вступали.

— Да боже ты мой! — ворчнула Александра Юрьевна, повторив с сарказмом: — В коммуникацию они не вступали.

Анна, затаившаяся на балконе второго этажа, прямо над женщинами, ведущими эмоциональную беседу за чаем, расположившимися за большим столом на веранде, торопливо поджала губы, чтобы даже легким смешком или непроизвольно вырвавшимся ироничным хмыканьем не выдать своего невидимого присутствия

при разговоре собеседниц и не конфузить пришедшую, как всегда неожиданно-незванно, соседку, объявившую Александре Юрьевне с решительным, серьезным видом, что имеет к той важный секретный разговор.

Хотя какое там конфузить! Неугомонная сплетница, которую с легкой руки тетки Александры в поселке все звали не иначе как Бибиси, что составляло некий микс из русского «баба бабе сказала» и прямой аналогии с известной британской телерадиовещательной компанией, частенько позволявшей себе вольную подачу информации, особенно в той части новостей, что касалась России, такими категориями, как стеснение, неудобство или конфуз, не обременяла себя и не заморачивалась в принципе.

— Да, не общались ни с кем, — подтвердила обличительница, не уловив в тоне собеседницы откровенного сарказма. — И стоял себе этот участок пустующий годами. А потом вдруг раз, и понаехали строители, да не местные, а какие-то чуть ли не из Питера самого. И ведь что подозрительно, организованные такие, не в пример обычным работягам, сплошной порядок у них: дисциплину не хулиганили, пьяными не замечены были, в поселке не шумели. И раз — построили домище. Да какой! Вы такой дом видывали, Александра Юрьевна? Вот я вас спрашиваю, как ему одному достался этот огромный кусище земли, а? А я вам отвечаю: потому что он бандит, не иначе!

— Ну что ты напраслину наводишь, Степанида Ивановна, — негодовала хозяйка. — Ты же прекрасно знаешь, что этот огромный участок совершенно ни к чему не пригоден: расположен на гранитной плите, лишь слегка припорошенной землей, наружу выходят каменные надолбы бараньими лбами, да еще и наклонный, с совершенно неудобным спуском к озеру. На нем и дом-то построить — большая проблема,

а уж сад-огород не разведешь и подавно, сплошной камень, земли плодородной нет. Никому тот участок даром был не нужен, еще повезло, что покупатель на него нашелся.

— Как же не нужен! — горячо спорила соседка. — Он же прямо к озеру выходит. Этот вон какую баню отгрохал, и ведь прямо на берегу, и причал капитальный, с мостками от самой бани до воды. А у нас, между прочим, закон имеется об общественной принадлежности водных ресурсов и прибрежной полосы, а он все захватил и обустроил для себя лично.

— Да ничего он не захватывал! — осерчала все-ррез Александра Юрьевна. — По закону забор, ограждающий участок, не может стоять ближе двадцати метров от береговой линии, а у него на добрых тридцать метров отстоит. К тому же этим причалом могут пользоваться все поселковые жители, некоторые и пользуются, держат там свои лодки. — И высказала в сердцах, укоряя: — Вот что ты за человек, Степанида Ивановна, ведь все прекрасно знаешь и про причал, и про забор его участка, ан нет, очернить, наговорить, навести напраслину на человека готова.

— И ничего не напраслину, — вскинулась в защиту своей обличительной версии Бибиси. Шумно отхлебнула чаю, так что слышно было даже Анне наверху, поставила чашку, громко звякнув о блюдце, и продолжила с горячим энтузиазмом свой «хайли лайкли»: — К тому прекрасному причалу не пройти толком ни по берегу, ни поверху, только от его участка спуск и есть. Я же говорю: себе оттяпал.

— Так никто и не ходил, потому что не пройти! — заводилась все пуще раздражением хозяйка. — Человек провел большие работы: очистил берег, привел в порядок кромку воды, построил мостки, окультурил территорию, и кто хочет и кому надо, те пользуются

и лодки свои там швартуют и держат, и ребяташки бегают нырять с тех мостков, а тебе все не так!

— Не понимаешь ты, Александра Юрьевна, очевидных вещей, о которых я тебе толкую, — с некой снисходительной значительностью в тоне произнесла соседка. — Не в причале и не в участке том дело. Я о другом тебе говорю. Вот стояла земля пустой несколько лет, а хозяин ее не объявлялся. Где, спрашивается, он был эти годы? — добавляла заговорщических интонаций в речь обличительница. — Потом дом строился, а его снова никто тут не видывал, хозяина этого, даже на стройку не приезжал посмотреть, проверить, как полагается, свои пожелания-наказы высказать и после сдачи домища того тоже не приезжал. Где, спрашивается, был? А я тебе отвечаю. — И замолчала, выдерживая интригу, с явным удовольствием озвучив свое разоблачение через несколько секунд театральной паузы: — В тюряге он сидел — вот где. На зоне. Точно-точно, — с горячностью уверила она, отреагировав, видимо, на изобразившую мимикой свое отношение к заявлению собеседницу. — Вот смотрите: приезжает он редко, и как приезжает-то? Как тать какой в ночи крадется. То нету его нету, и машину его здоровущую, странную эту никто не слышал и не видел ни с вечера, ни ночью, а утром глядь: а он уж на участке своем образовался. Значит, что? — излагала женщина доказательства своей теории. — Значит, скрытничает. А зачем, спрашивается, честному человеку скрытничать? Вот я и говорю: честному человеку незачем. Потом еще один факт. Приезжает всегда один, ни жены, ни детей. Это потому, что у них порядок такой воровской, чтобы у главарей ихних, которые в законе, не имелось семей и детей, не положено им. Я уж знаю про это. И в гости к нему наезжают мужики подозрительные целыми компаниями. И не напи-

ваются в хлам, не бузят, все у них тишком, тайком да своим порядком. Точно сходняк воровской, я вам говорю. У них, у бандитов, с дисциплиной строго и у главаря не забалуешь.

— Ты, Степанида Ивановна, — видимо, устав увещевать и призывать к логике, чуть посмеиваясь, произнесла Александра Ивановна, — как американские информационные агентства, умудряешься преподнести любые факты так, как удобно и нравится тебе самой. Ну какой, прости господи, сходняк? Что ты баламутишь попусту? Ну предпочитает человек уединение, может, любит в тишине и спокойствии почитать «перепоем» Канта, Толстого, или Стругацких, или детективы на ночь, — попыталась пошутить тетушка.

Шутка, что называется, не зашла по причине «недоступности» адресата.

— Как-как перечитать? — переспросила Бибиси.

— Перепоем, — отмахнулась с досадой Александра Юрьевна, — не важно. Любит человек одиночество — так понятно? Имеет полное право жить как ему нравится. И есть ли у него жена-семья, нет жены-семьи, это также его личное дело, никого не касающееся. А друзья-приятели к нему приезжают всегда с женами и детьми. Люди отдыхают, жарят шашлыки, ходят в баню, в походы по окрестностям, рыбачат, дети бегают, играют. Уймись ты уже, а то осерчаю не на шутку, — предупредила без нажима, но твердо тетка Александра, смягчив предупреждение примиряющим замечанием: — Я вон тоже без мужа и детей и появляюсь в поселке редко, меня что, тоже в бандитки запишешь?

— Ну что вы, Александра Юрьевна, такое говорите, вы человек известный, важный, уважаемый всеми, — перепугавшись, заторопилась уверить соседка и поделилась тревогой: — А этот... Один домище его чего стоит, чудной, нерусский какой-то.

— Не чудной, а естественно встроенный в ландшафт участка, не нанося ущерба природе. Экологическое строение, слышала о таком? — с явно слышимой бессильной усталостью в голосе пояснила хозяйка. — Ну дом у него не такой, как у всех, ну один человек предпочитает жить, и что дальше?

— Как что дальше? — скинулась новой волной обличений Бибиси: — Вы вот, Александра Юрьевна, знаете, как его зовут, соседушку-то нашего? Кто он? Из каких будет? Дом стоит наособицу, в сторонке, подалее от людей и любопытных взглядов, забор такой, что ничего не увидишь, и выходы с участка на озеро да прямо в лес имеются. И поди знай, что там у него творится, куда он шастает. Машина опять-таки эта странная, здоровая, каких отродясь не видывали, я даже в Интернете таких не нашла. Сам людей сторонится, мрачный, угрюмый, ни с кем ни слова ни полслова, ни здрасте вам, ни до свидания. В магазин поселковый даже за хлебом не ходит, чтобы, значит, ни с кем не встречаться, — торжествовала справедливым обличением Бибиси. — Приезжает так, что никто его не видит, не слышит, уезжает таким же тайком. У нас поселок серьезный, у нас здесь все свои да наши, а этот непонятный и точно не наш, не свойский.

— Да кто у тебя свои да наши? — окончательно устав от бесполезности разговора, подрастеряв пыл возмущения, уже несколько вяло возражала хозяйка. — Все сами по себе, за своими заборами, при своих чинах и секретах, как и положено людям с определенным социальным статусом. А Москва, Бирюки и Калинин так и вовсе звездят в полной пустоте, раздуваясь от гонора и разговаривая через губу. На тебя вон Калинин чуть не наехал, не замечая с высоты своего величия, не снисходя до кого-то там образовавшегося на пути его следования. Этот мужик пусть и держится наособицу, так хоть здороваается.

— Это он с вами здороваётся, а со всеми остальными лишь кивает снисходительно на дружелюбное, сердечное приветствие соседей, — внесла свою поправку Бибиси и пожаловалась: — И то не со всеми. Со мной вот, например, даже не раскланивается, а хмыкнет эдак коротенько и пошел себе.

— Ну и правильно, — поддержала таинственного соседа Александра Юрьевна, — после того как ты, не получив информации у Аристарха Марковича об этом человеке, явилась к тому на участок и начала выпрашивать, кто он есть такой, откуда взялся, да чем занимается, и про жену-детишек, попеняв, что в городе им непочтительно оставлено семейство, любой поостережется с тобой в разговоры вступать, уж тем более кивать-кланяться.

— А что такого? — возбудилась праведным возмущением соседка. — Я же для всех стараюсь и ему объяснила, что не своего любопытства ради интересуюсь, а вся общественность хочет знать, кто с ними живет по соседству...

— Угу, — перебила пламенный манифест Александра Юрьевна и процитировала, усмехнувшись: — «Не корысти личной ради, а волею пославшей мя жены». И несознательный гражданин не проникся важностью момента и желаниями поселкового сообщества и выставил тебя с участка.

— Вот именно! — воскликнула возмущенно приободренная Бибиси. — Да еще хохотнул эдак издевательски и говорит, — и произнесла, копируя соседа, усиленно издевательским тоном: — «Думаю, ответственности придется и дальше обходиться без знания моих анкетных данных». И выставил за калитку. Представляете! Прямо вот так взял под локоть и вывел! «Всего хорошего», — говорит, калитку запер, а сам хохочет, я же слышала. Москва, Бирюки и Калинин,

хоть и с презрением ко всем нам с высоты своих деньжищ, но люди известные и понятные, а этот чужой, неизвестный, темная личность. Вот точно вам говорю: бандюган отъявленный, зэк, криминальный элемент. Вот попомните еще мои слова, как беда какая случится в поселке.

— Ты еще скажи «маньячелло», — хмыкнув, предложила хозяйка.

— Не знаю, челло какое, как вы говорите, или нет, но дело-то серьезное. Надо общественность поднимать, выяснить, с кем мы тут живем, беспрестанно рискуя нашими жизнями.

— Ну пойдя, пойдя, подними, Степанида Ивановна, — устало напутствовав, отмахнулась Александра Юрьевна, явно давая понять, что аудиенция окончена, гостью она выслушала, как и обещала, и пора бы той двигать дальше, проявлять свою разоблачительную инициативу.

Аня улыбнулась, живо представив себе недовольно-уставшее выражение тетушкиного лица и этот ее характерный жест рукой, которым она отмахивается от всегда раздражавшей ее необычайно откровенной человеческой глупости.

— Так я и чего пришла спросить, Александра Юрьевна, — заторопилась объяснить главную суть своего визита Бибиси, — вы не против?

— Против чего?

— Да вот как раз-таки выяснить, кто этот соседуска-то наш непонятный? Что за субъект такой?

— Я-то не против, хотите — выясняйте, — милостиво разрешила Александра Юрьевна.

— То есть вы подпишетесь в документе, если что? — шустренько уточнила Бибиси.

— Нет, — развеселилась вдруг хозяйка. — Меня соседство с этим человеком нисколько не тревожит,

я беспрестанного риска своей жизни не испытываю. А те, кому спать не дает его инкогнито, бога ради — подписывайтесь, выясняйте, хоть делегацией ходите к нему требовать и знакомиться. На здоровье.

— Значит, не подпишетесь, — разочарованно вздохнула Бибиси.

Ушлая тетка, затевая свой визит к влиятельной даме, тайно рассчитывала и надеялась, что Александра Юрьевна поддержит, а в идеале так и вовсе возглавит ее инициативу выяснить личность соседа, ну хотя бы любопытства ради.

Шумно допив чай, вновь громко дзинькнув, Степанида Ивановна поставила чашку на блюдце и показательно разочарованно вздохнула еще разок.

— Ну тогда я пошла, — с явными вопросительными нотками сообщила бабка, ожидая, видимо, что ее остановят, предложив продолжить беседу.

— Иди-иди, Степанида Ивановна, — не оправдав ожиданий докучливой соседки, напутствовала Александра Юрьевна. — Поборись там за справедливость. — И совсем иным, энергичным, деловым тоном громко кликнула помощницу: — Лен! Проводи человека.

Видимо, чтобы гостя не почувствовала слабину в посыле и не решила еще подзадержаться для обсуждения другой темы «за права общественности», припомнив недосмотр какой поселкового правления — с нее станется, только зазевайся, — заговорит до одури.

Послышались легкие шаги Леночки, которая что-то тихо произнесла и, громко проскрипев ножками стула, отодвинула его от стола.

— Да я сама, сама, Леночка, не утруждайся, деточка, что меня провожать. И калитку запру как положено, — затараторила доброжелательно-елейным голосом Бибиси.

Притаившаяся наверху засадной партизанкой Анна, не удержавшись таки, хмыкнула.

Произошел у них когда-то тут один инцидент, после которого Степанида Ивановна боялась не то что слово сказать так, чтобы был хоть отдаленный намек на непочтение к Лене, а даже недостаточно ласково посмотреть в сторону девушки. Это когда Александра Юрьевна первый раз приехала в поселок вместе с Леной.

Степанида Ивановна тогда первой прибежала в гости, что называется, отметить должным образом, поздороваться, выказать уважение с почтением и готовность к подвигу, если таковой понадобится. Александра Юрьевна пригласила за щедро накрытый стол. И, когда Леночка поднялась из-за стола и ушла на кухню за посудой для гостя, Бибиси со слезой, накатившей от восхищения и картинного восторга душевными качествами хозяйки, расчувствовалась похвалой:

— Редкий вы человек, Александра Юрьевна, сердечный. Прислугу за свой стол приглашаете, не гнушаетесь.

Не меня выражения лица, тетушка Александра, которая поднесла в этот момент чашку к губам, сделала пару глотков, медленно поставила чашку на блюдце и произнесла пугающе-тихим, холодным, четким тоном, выделяя каждое слово:

— Если еще раз, Степанида Ивановна, при мне ли или в разговоре с кем-нибудь иным в мое отсутствие ты назовешь Елену прислугой... — и посмотрела прямо в глаза гостя незваной таким взглядом, что ту вмиг прошиб холодный пот, — ...то вылетишь из поселка через полчаса. И долетишь до своего родного Печерска, и приземлишься там не самым мягким образом. — А потом спросила ледяным тоном: — Я доходчиво объяснила?

Бибиси интенсивно закивала головой.

— До-доходчиво, Александра Юрьевна, — и принялась частить как скороговоркой: — Я же не то имела в виду, я не это!.. Что вы, Леночка, она же такая чудесная де...

— Более не задерживаю, Степанида Ивановна, — ледяным тоном оборвала хозяйка.

Бабищу как ветром сдуло. И не напрасно.

Ей было чего опасаться. Еще как! Попасть в немилость к Александре Юрьевне или того еще не чище — вызвать ее гнев и недовольство — не рискнул бы, пожалуй, ни один житель этого достаточно элитного поселочка, в том числе и пресловутые Москва, Бирюки и Калинин. Кстати, во многом... да нет, какое там «во многом» — по большей и главной части благодаря Александре Юрьевне, ее желанию, воле, связям и возможностям этот поселок и был образован и возведен.

Но это отдельная история, скажем так, совсем о другом.

А вот что касается Степаниды Ивановны, то та хоть и жила в поселке постоянно, но жительницей оно не считалась. Хозяином огромного коттеджа замысловатой, вычурной архитектуры, в котором проживала женщина, являлся муж ее племянницы, который, что называется, «выписал» тетку из глуши российской, резонно рассудив про себя, что чем платить какому-нибудь специалисту серьезные деньги, проще «облагодетельствовать» бедную родственницу за еду и небольшое обеспечение, и поселил тетку у себя, наделив полномочиями управляющей, чтобы присматривала за хозяйством, домом и прислугой, согласовав ее проживание с председателем правления, для которого слово Александры Юрьевны было что приказ Родины.